

УДК 167.1

DOI: 10.32326/2618-9267-2021-4-4-28-37

ОСВОБОДИТЕ ПОЗНАЮЩИЙ СУБЪЕКТ! К КРИТИКЕ ЭПИСТЕМОЛОГИИ ДОБРОДЕТЕЛИ ДЖОНА ТУРРИ

Костина Алина Олеговна –
кандидат философских наук,
научный сотрудник. Институт
философии РАН. Российская
федерация, 109240, г. Москва,
ул. Гончарная, д. 12, стр. 1,
e-mail: alinainwndlnd@gmail.com

В статье рассматривается критика, предложенная Джоном Турри в отношении определения знания, надежного пути его получения и границах нормативности, обозначенных в рамках эпистемологии добродетелей. Подвергается сомнению справедливость ограничений, накладываемых респонсилистами в отношении познающего субъекта и внешних условий познания. Выдвигается опасение, что положенное в основу исследований понимание знания как обоснованного истинного убеждения совмещает не сочетаемые между собой части. По мнению Д. Турри, эпистемология добродетелей, как направление в целом, не может дать четкого ответа на вопрос относительно объекта теоретизирования: является ли им обыденное или научное знание? Так, убеждения и знание функционально различны в общественной жизни и коммуникации людей. Вопрос же надежности убеждений фальсифицируется рядом примеров, связанных с приписыванием того или иного статуса надежности его агентам. В вопросе научного знания предлагается обратиться к исследованиям когнитивных наук, чтобы компенсировать недостаток качественной эмпирической и аналитической базы. Однако при этом не рассматривается факт связи этики и эпистемологии, установления нормативности науки, как и вопрос самих интеллектуальных добродетелей. В качестве альтернативы предлагаются концепции экуменистического релайбилизма и эйбилизма как более надежных путей достижения знания. Этот и другие вопросы становятся предметом анализа в данной статье.

Ключевые слова: эпистемология добродетелей, Д. Турри, знание, истинное убеждение, релайбализм, респонсилизм, Л. Загзебски, Э. Соца

Цитирование: Костина А.О. Освободите познающий субъект! К критике эпистемологии добродетели Джона Турри // Цифровой ученьй: лаборатория философа. 2021. Т. 4. № 4. С. 28-37. DOI: 10.32326/2618-9267-2021-4-4-28-37

SET THE EPISTEMIC AGENT FREE! ON JOHN TURRI'S CRITIQUE OF KNOWLEDGE DEFINITION IN VIRTUE EPISTEMOLOGY

Alina O. Kostina – PhD in Philosophy, research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.
12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation;
e-mail: alinainwndlnd@gmail.com

The main focus of the following article is the critique offered by John Turri on the subjects of definition of knowledge, its reliable and unreliable types, along with the limits of normativity, given in the field of virtue epistemology. The boundaries imposed on epistemic agent are put into question along with the act of eliminating external circumstances of knowledge acquisition. Another issue is a lack of understanding of whether virtue epistemologists make theories of the ordinary concept of knowledge or knowledge itself. J. Turri claims that understanding of knowledge as true belief produced by intellectual virtue mixes incompatible units together, for beliefs and knowledge have different purposes in public life and communication. The issue of reliability is supported with a number of case studies, where reliability of knowledge judgements is attributed among reliable and unreliable agents surprisingly evenly. The matter of scientific knowledge should use more results and discoveries of cognitive studies to have a better analytical base. In the defense of virtue epistemology it must be noticed that the fact of close relation between ethics and epistemology merged together, as well as the question of intellectual virtues should not be left out of the offered critique. Nevertheless, J. Turri presents two related alternative visions of knowledge in the framework of ecumenical reliabilism and abilism where knowledge is related to cognitive ability, not necessarily reliable. The given concept leaves us with the question of close relation between criticized ideas of reliabilism and abilism itself.

Keywords: virtue epistemology, J. Turri, knowledge, true belief, reliabilism, responsibilism, L. Zagzebski, E. Sosa

For References: Kostina, Alina. 2021. Set the epistemic agent free! On John Turri's critique of knowledge definition in virtue epistemology, *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 4 (4): 28-37. DOI: 10.32326/2618-9267-2021-4-4-28-37 (In Russian)

Введение

Развитие эпистемологии добродетелей стало одним из ответов на кризис, возникший в связи с необходимостью пересмотра нормативной базы дисциплины. Неразрешенная проблема, ставшая на десятилетия камнем преткновения для эпистемологического исследовательского сообщества, касалась определения знания. Невозможность дать точное и однозначное объяснение проблемы

Геттиера привела к серьезным изменениям в развитии данного направления. Субъект или агент становится центральной фигурой процесса познания. Это сужает круг вопросов, связанных с внешними контингентными факторами, способными влиять на процесс получения знания. В «черный список» допустимой аргументации знания попадают удача, случайность и успех. Возникает необходимость радикального переосмысливания субъекта, который каждым актом познания демонстрирует свою добродетельность и, следовательно, движение к истине.

В рамках двух доминирующих традиций релайабилизма (среди основных имен можно назвать Э. Соса и Д. Греко) и респонсиблизма (Л. Загзебски) происходит настоящая борьба за субъект – определяется уровень его ответственности за собственные познавательные способности. Точнее, за степень их надежности в достижении истины. Одним из главных определений знания становится представление о нем как об истинном обоснованном убеждении (“true justified belief” – англ.). Однако данное определение породило больше споров, нежели привело к соглашению. Связано это и с формализацией убеждений, и с тем, какие из них можно назвать обоснованными. Сторонники эпистемологии добродетели сходятся в представлении, что знание должно обладать надежными источниками и путь к нему должен пролегать соответствующими путями. Так как данное направление эпистемологии субъектоцентрично, то и вся ответственность возлагается на познающий субъект.

Релайабилистская традиция связывает надежность со способностями субъекта на уровне восприятия мира и информации о нем. Нормально функционирующие органы зрения, слуха, осязания, способность к адекватным логическим выводам уже становятся основанием для доверия возможностям субъекта. В рамках всей традиции эпистемологии добродетели такой уровень притязаний по отношению к нему можно определить как «щадящий». Однако вопрос нормы восприятия не столько в рамках эпистемологии, но также когнитивных наук, социологических и антропологических исследований, может быть подвержен сомнению. Существует множество искажений физиологического, психического и социально-культурного характера, вынуждающих с высокой долей релятивности относиться к представлениям о норме.

Респонсибилистская традиция, главным образом ассоциируемая с именем Л. Загзебски, очень строго регламентирует степень ответственности субъекта в отношении каждого момента и вовлеченного фактора познания. Мотивация субъекта должна носить фундаментальный, а не инструментальный характер – последнее лишает знание его значимости и надежности. Каждый сделанный шаг на пути познания должен соответствовать установленным добродетелям, среди которых открытость, твердость, интеллектуальная смелость и ряд других (подробнее у Р. Робертса и Д. Вуда [Roberts, Wood, 2007]).

Респонсибилистов неоднократно критиковали за жесткость и не реалистичность предлагаемых установок. Во-первых, крайне

сложно отследить внутреннюю мотивацию субъекта в каждый отдельный момент времени. Во-вторых, подобное представление о познающем агенте противоречит реальной практике получения знания, истории науки и истории человеческих достижений в целом. Более того, в существующей схеме познание становится недоступно, например, детям. Как известно, знания о мире люди получают на разных уровнях в разные периоды развития. Тем не менее, трудно отрицать, что этапы формирования субъекта являются неотъемлемой частью блестящих результатов познания самых талантливых людей. Однако по логике респонсиализма знание таких познающих субъектов не обладает ценностью.

Вне зависимости от традиции, доминирующим представлением для эпистемологии добродетелей (далее по тексту – VE (от англ. *virtue epistemology*)) является надежность (путей) получаемого знания [Goldman, 1993; Zagzebski, 1996; Greco, 2010]. Джон Турри в своих смелых рассуждениях на данную тему выдвигает предположение, что знание может быть ненадежным, но от этого не теряет своей ценности. Это радикальное для традиции эпистемологии добродетелей заявление важно, прежде всего, для лучшего понимания образа познающего субъекта. Помимо стремления сделать эпистемологию нормативной наукой, необходимо помнить, что агент познания также должен обладать определенной степенью свободы. Парадоксальным образом подобное заявление Д. Турри о возможности ненадежных путей обретения знания дает нам лучшее представление о реальном эпистемическом субъекте. Прослеживая историю идей и открытый, в том числе на пути интеллектуального познания, можно заметить множество ошибок, совершаемых в его процессе, следующих за ними прорывов и новых ошибок. Однако зачастую это не преуменышает достоинства полученных результатов, ведь «вероятность неудачи зачастую увеличивает, а не понижает или умаляет достоинства достижения» [Turri, 2015, p. 532].

Проблема знания и методов его получения является одной из центральных для эпистемологии. Однако если выйти за пределы данных рассуждений, то действия, осуществляемые на основании знаний, играют не меньшую роль в оценке познающего субъекта. Ценность знаний не должна быть выше ценности достижений, на них основанных¹. Более того, на основании проведенных экспериментов было продемонстрировано: а) наличие сильной связи между суждениями о том, что человек знает и о том, как человек должен действовать; б) суждения, на которых основываются дей-

¹ Д. Турри утверждает данный тезис, рассматривая ряд примеров, связанных со спортом. Он заявляет, что когда речь заходит о нем как о профессиональной деятельности, вопрос надежности и эффективности, в действительности, упирается в довольно необычную статистику. Последняя демонстрирует, что выдающиеся спортсмены могут стать таковыми при уровне результативности (например, заброшенных шайб, мячей и т.д.) в 30-40%, при этом они остаются крайне эффективными и даже выдающимися. Он пытается предостеречь от снобизма и радикального взгляния и на науку, где достижение исследовательских результатов также может быть сопряжено с нестабильностью и множественными ошибками.

ствия (“actionability judgements”), определяют суждения, на которых основывается знание (“knowledge judgements”) [Turri, 2012; Turri, Buckwalter, Rose, 2016, web].

Как было обозначено выше, одно из ключевых свойств VE – нивелирование значимости внешних обстоятельств познания, к которым можно отнести феномен удачи. При ближайшем рассмотрении мы видим, что она радикально противопоставляется надежному пути получения знания. Однако Д. Турри ставит под сомнение саму оппозицию: как доказать, что сработавший на получение знания фактор – это исключительно удача и ничего кроме? «Оказаться удачливым, достигнув успеха через способность, не то же самое, что достигнуть его просто при удачном стечении обстоятельств» [Turri, 2015, p. 534].

Возможно ли всерьез говорить о полном отсутствии влияния внешних обстоятельств на процесс познания, если при этом субъект осуществляет его в определенной среде – физической, социальной, институциональной. Респонсиблизм в некотором роде становится солипсистской концепцией, возлагающей неподъемный груз ответственности на субъекта, мир же вокруг подвергается «уничтожению». Сложность заключается в том, что даже при формировании такой интроспективной картины познания неразрешенных проблем в отношении субъекта становится не меньше. Ненадежность путей познания может исходить не только из внешнего мира, но и искажений восприятия самого субъекта¹.

Экуменический релайабилизм и эйбилизм Д. Турри

Одним из ключевых вопросов, на который, по мнению Д. Турри, не дается ответа в рамках VE, является следующий: «теории чего пытаются предоставить эпистемологи добродетелью»? [Turri, 2019b, p. 309].

Объектом теорий, в соответствии с исследованиями VE, становится понятие знания. Последнее, как было указано ранее, является истинным убеждением, произведенным интеллектуальной добродетелью. Определение истинного убеждения как основания для знания, – другая важная, по мнению Д. Турри, проблема всего направления. Во-первых, не вполне ясно, какое знание мы получаем в качестве конечного результата – обыденное или научное. Во-вторых, чтобы преодолеть путь, приводящий к формированию истинных убеждений, необходимо определиться с установкой исследования, и здесь мы вновь сталкиваемся с позициями релайабилизма и респонсиблизма: является ли приоритетом только полу-

¹ Так, существует понятие «эпистемического патернализма», когда авторитетная в процессе познания фигура не дает исследователю самостоятельно решить поставленную задачу, накладывая на исследование свой опыт и рекомендации по достижению цели. Другая существующая проблема – проблема «эпистемических визави». В этом случае невозможно точно определить, какая из надежных стратегий достижения знания правильная, так как оба пути одинаково хорошо и последовательно аргументированы.

ченный результат или необходимо учитывать надежность используемых методов и инструментов?

Их рассмотрение проходит по линии разделения перцептивного знания (или «low-grade knowledge» – «знания низкого порядка» [Zagzebski, 1996, р. 280]) и знания высокого уровня, реализуемого в концептуализациях научных исследований. Главным утверждением Д. Турри становится невозможность определить получаемое согласно подходу VE знание как обыденное. Аргументация Д. Турри строится на том тезисе, что убеждения в принципе не могут лежать в основании знания. Он разводит области их применения. Любые убеждения (необходимо заметить, что в своих рассуждениях он в основном избегает обозначения убеждений как истинных, называя их просто убеждениями), по его мнению, связаны с эмоциями, в отличие от знания, такой связи не имеющего. Соответственно, первые не могут лежать в основании последнего. В качестве практического подтверждения он приводит пример, касающийся скорости реакции: согласно ему, люди применяют знание быстрее, чем убеждения. В рамках частично отслеженной автором коммуникативной эволюции людей он утверждает, что убеждения связаны с практикой межличностного общения, в то время как знание – с «анималистическими практиками предсказаний поведения» [Turri, 2019b, р. 310]. Функции знания и убеждений настолько сильно отличаются, что нет причин для обоснования первого через вторые. Более того, определенный социальный код позволяет людям адаптировать свои модели коммуникации: в одних ситуациях мы демонстрируем свои убеждения, в других – знания. Один из самых ярких примеров здесь касается религиозных убеждений: в одном человеке может уживаться как ученый, исследователь, работающий над раскрытием тайн природы, так и религиозный человек. Однако такой субъект в состоянии разделить свои социальные роли и не смешивает их.

Вопрос надежности оснований и методов, на которых базируется знание, не только становится второй проблемной областью в критике самого Д. Турри, но и является камнем преткновения для разных подходов в эпистемологии добродетелей. Релайабилизм обозначает в своем названии использование надежных источников. Тем не менее, эта надежность понимается довольно ограничено, исключительно в рамках адекватного выполнения функции: в случае визуального восприятия – зрения, в случае воспроизведения хронологии – памяти, и т.д.

Однако надежность волнует Д. Турри, в первую очередь, в ее отношении к обыденному знанию. Опираясь на ряд значимых для VE фигур [Craig, 1990; Greco, 2010; Goldman, 1993], он утверждает, что ее [надежности] основной задачей является установление связи между знанием и естественными интуициями. Автор называет это «проторелайабилистской гипотезой» [Turri, 2019b, р. 311]. Существует ограничение: применение интуитивного знания не всегда приносит ожидаемый результат. Выходит, что «надежность» самого агента или ис-

пользуемых им для исследования методов невозможно определить заранее. Парадоксальным образом в ходе экспериментов выяснилось, что разница в приписывании знания надежному и ненадежному агенту крайне мала [Turrini, 2019a, web]. «Ненадежность – не то же самое, что неспособность» [Turrini, 2015, p. 535]; то, что достигнуто надежным способом, может быть достигнуто и ненадежным. И это снова возвращает нас к основной проблеме субъекта и выказываемой ему степени доверия. Само свойство «надежности» не является необходимым для получения знания и может из нормативной установки превратиться в ее ограничивающую версию, лишающую нас шанса на достижение истины.

Для Д. Турри вовлечение ненадежного знания в процесс познания становится основанием для создания направления, которое, по его мнению, является более полной версией релайабилизма – «экуменистического релайабилизма» [Turrini, 2015, p. 541]. В его основе, так же, как и в основе классического релайабилизма, лежит стремление к получению истинного знания.

Становится вполне очевидным, почему в качестве объекта критики Д. Турри выбрал именно представителей и представления релайабилизма и сделал такой значительный акцент на невозможности эпистемологии добродетели объяснить обыденное знание. Это обусловлено и его вторым направлением рассуждений, в котором он предполагает, что эпистемологи добродетели пытаются сформулировать представление не о понятии знания, а о самом знании.

В данном случае предметом критики становится пренебрежение эпистемологией добродетелей исследований когнитивных наук, изучающих в том числе получение, обработку и хранение информации (и, возможно, получение знания) живыми существами. Этот момент критики обладает несомненной ценностью как в пределах рассуждений самого Д. Турри, так и в некоторых дополнительных рассуждениях.

Изучение когнитивных способностей птиц (приводится самим автором), показывает, что механизмы оповещения об опасностях не всегда правильно отражают реальную ситуацию – в большинстве случаев срабатывает «ложная тревога». Если оценивать это в моменте, то низкая эффективность механизма реакции может вводить в недоумение, но при рассмотрении в долгосрочной перспективе оказывается, что данный механизм крайне эффективен. Чем чаще птицы «отрабатывают» навык реакции на опасность, тем больше их выживаемость на несколько (десятков) поколений вперед.

Данный пример с миром живой природы отчасти применим и к накоплению человеческого знания. Всегда есть близкая и далекая перспективы аккумуляции знания. Существует множество исследований по тем или иным причинам, не релевантных для настоящего момента или какой-то области исследований. Однако сам процесс накопления знаний не позволяет с уверенностью утверждать бесполезность отдельных находок и инсайтов. Возможно, для их эффективного использования еще не хватает прочих знаний

или его элементов. Поэтому следует крайне осторожно обращаться с оценкой результатов интеллектуального труда. Это прекрасно известно в практических научных областях. Ученые, проводящие эксперименты, не должны бояться совершать ошибки. Получение нового знания требует решительности, активности, способности одновременно замечать детали и видеть картину целиком.

Однако если мы обратимся к списку добротелей исследователя, предложеному выше, то обнаружим, что в нем просматриваются черты порой неоправданной аскезы. У многих из предложенных качеств есть обратная сторона: автономность может лишить коммуникативного потенциала, осторожность превратиться в интеллектуальную нерешительность, твердость может обернуться догматизмом. Респонсиализм в своем стремлении сделать знание нормативным не учитывает, что в своем реальном воплощении субъект, даже не имеющий права на ошибку, все же будет ошибаться.

Замечания Д. Турри обладают достаточной ценностью и могут быть использованы специалистами по VE для расширения аргументации собственных заявленных позиций. Этому способствует тот факт, что направление эпистемологии добротелей стало активно применяться в прикладных областях.

Критика Д. Турри подкрепляется выдвижением еще одной альтернативы для исследований VE. Ей становится эйбилизм («able» (англ.) – «способный»), в рамках которого «знание является точной презентацией, производимой когнитивной способностью» [Turrī, 2019b, p. 314]. Само название говорит о способности получать знание, поставленной в приоритет процесса познания. При этом «соответствующая способность может быть надежной или ненадежной» [ibid]. В действительности, как в рамках эпистемологии добротелей, так и в других направлениях эпистемологии (и других наук) достаточно активно рассматриваются проблемы расширения когнитивных возможностей, индивидуальных и коллективных эпистемических и связанных с ними институциональных практик. Поэтому само представление о «точной презентации» требует значительного количества дополнений о нормативных составляющих оценки этого критерия и условиях его воплощения в жизнь.

Замечания Д. Турри, указывающие на ограниченную способность эпистемологии добротелей представить теорию понятия знания и самого знания, крайне важны для улучшения презентации направления. Они, с одной стороны, заставляют рассмотреть ряд проблем с альтернативных точек зрения, с другой – показать ценность уже существующих наработок, уточнить их формулировки и значения. VE дает несколько вариантов трактовки (понятия) знания, механизмов его оценки и получения, обозначенные же Д. Турри критические моменты позволяют дать толчок в разрешении как новых вопросов, так и являющихся камнем преткновения с момента формирования направления.

Заключение

Императив, предложенный в заголовке данной статьи, может показаться странным: зачем освобождать того, кому эпистемология добродетелей фактом своего существования даровала свободу? Однако при более детальном рассмотрении вопроса оказывается, что данное направление эпистемологии содержит в своих теоретических постуатах ряд фундаментально ограничивающих установок. Во-первых, определение знания, предложенное в рамках VE, вызывает больше вопросов, чем ответов и первый из них таков: действительно ли убеждения являются надежным основанием для знания, не говоря о том, что способы обоснования убеждений разделяют направление на множество вариантов релайабилизма и респонсибилизма? Во-вторых, обыденное знание систематически остается самой сложной и трудно поддающейся категорией знания. И если релайабилизм хоть бы в некоторой степени открывает через свои установки путь к его теоретическому освоению, то респонсибилизм так выстраивает свою систему представлений, что принципиально не сможет приблизиться к его объяснению. Представления о необходимости надежных путей достижения знания приводят к разрыву теории и реальности познавательных практик – наука во многом была бы не возможна, потому что многие из ее шагов не могут быть обоснованы с точки зрения их надежности или уверенности в получаемом результате. Поэтому предложенные Д. Тури идеи выглядят разумными дополнениями к существующим элементам системы. Упрощение представлений сопутствует эйбилизму, где ключевым становится адекватная когнитивная презентация безотносительно надежности используемого метода или самого познающего агента. Экуменистический релайабилизм становится продолжением одной из традиций эпистемологии добродетелей. Он также нацелен на достижение истинного знания, при этом расширяет количество потенциальных источников знания.

В строгой версии VE эпистемический агент ограничен набором строгих правил и формирует солипсистскую реальность. Нормативность, применяемая к нему, лишает его гибкости и возможности развития. Из-за действующих принципов ему будто бы нечего познавать. Субъект не должен доказывать своего права на познание или на трансляцию результатов своих поисков. Именно поэтому в направлениях, сопряженных с развитием эпистемологии добродетелей, все чаще речь идет об установках справедливости в обращении с познающим субъектом. Именно на освобождение субъекта нацелено расширение круга идей ценностной эпистемологии.

Информация об источниках финансирования исследования

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 20-011-00397 «Эпистемология добродетелей: ценностно-нормативный образ субъекта познания».

Funding

The article is written with the support of Russian Foundation for Basic Research, project № 20-011-00397 “Virtue Epistemology: value-normative approach to a cognitive agent”.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы / References

- Craig, 1990 – Craig, E. *Knowledge and the State of Nature: An Essay in Conceptual Synthesis*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1990. 184 pp.
- Goldman, 1993 – Goldman, A. I. “Epistemic folkways and scientific epistemology”, *Philosophical Issues*, 1993, vol. 3, no. 3, pp. 271–285.
- Greco, 2010 – Greco, J. *Achieving Knowledge: A Virtue-Theoretic Account of Epistemic Normativity*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010. 216 pp.
- Roberts, Wood, 2007 – Roberts, R. C., Wood, J. *Intellectual Virtues: An Essay in Regulative Epistemology*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2007. 352 pp.
- Turri, 2012 – Turri, J. “A puzzle about withholding”, *The Philosophical Quarterly*, 2012, vol. 62, no. 247, pp. 355–364, doi: 10.1111/j.1467-9213.2011.00043.x.
- Turri, 2019a, web – Turri, J. “Knowledge from falsehood: an experimental study”, *Thought: A Journal of Philosophy*, publ. online 7 June 2019. Available at: <https://doi.org/10.1002/tht3.417> (accessed on October 22, 2021).
- Turri, 2019b – Turri, J. “Virtue epistemology and ableism on knowledge”, in: H. Battaly (ed.), *The Routledge Handbook of Virtue Epistemology*. New York: Routledge, 2019, pp. 309–316.
- Turri, 2015 – Turri, J. “Unreliable knowledge”, *Philosophy and Phenomenological Research*, 2015, vol. XC, no. 3, pp. 529–545, doi:10.1111/phpr.12064.
- Turri, Buckwalter, Rose, 2016, web – Turri, J., Buckwalter, W., Rose, D. “Actionability Judgments Cause Knowledge Judgments”, *Thought: A Journal of Philosophy*, 2016, publ. online 10 August 2016. Available at: <https://doi.org/10.1002/tht3.213> (accessed on October 22, 2021).
- Zagzebski, 1996 – Zagzebski, L. *Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1996, 388 pp.

Поступила в редакцию 15.11.2021